

ПРОБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ В ЭТИКЕ И. КАНТА

THE PROBLEM OF MERCY
IN THE ETHICS OF I. KANTL. Piontkevich
M. Gusarova

Summary: The authors of the article analyze the definition of mercy given by I. Kant in the "Metaphysics of Morals", which arouses enduring theoretical interest, despite the many studies of Kantian ethics. In particular, the idea is substantiated that a person who deservedly suffered deprivation in Kant's ethical system could not count on help and support, since mercy was related to morally neutral actions. The authors insist that I. Kant offers a more rational approach to the justification of mercy, based to a greater extent on respect for laws and rules than on emotional and sensory perception.

Keywords: mercy, duty, reason, virtue, right, morality, duty of beneficence, duty of love for people.

Пионткевич Лариса Юрьевнакандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
(г. Москва)

PiontkevichLY@mpei.ru

Гусарова Мария Николаевнадоктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
(г. Москва)

GusarovaMN@mpei.ru

Аннотация: Авторы статьи анализируют данное И. Кантом в «Метафизике нравов» определение милосердия, которое вызывает непреходящий теоретический интерес, несмотря на множество осуществленных исследований кантовской этики. В частности, обосновывается мысль о том, что заслуженно терпящий лишения человек в этической системе Канта не мог рассчитывать на помощь и поддержку, так как милосердие относилось к нравственно-нейтральным действиям. Авторы настаивают, что И.Кант предлагает более рациональный подход к обоснованию милосердия, в большей степени основанный на уважении к законам и правилам, чем на эмоционально-чувственном восприятии.

Ключевые слова: милосердие, долг, разум, добродетель, право, мораль, долг благотворения, долг любви к людям.

Не вызывает сомнения глубокая укорененность в культуре идеи милосердия как нравственного принципа и практического действия, проявляющегося в сострадании и направленном на помощь человеку в его нуждах и лишениях. Хорошо известно, какую важную роль милосердие играет во многих религиозных учениях, в частности, в христианстве, где оно представляется проявлением божественной любви и сострадания к ближнему и является одним из центральных догматов христианской веры. В этой связи высказывание Канта о милосердии как «оскорбительном способе благоденствия» [3, с.476] вступает в серьезное противоречие с существующими оценками и трактовками этого морального принципа в мировой культуре. Несмотря на то, что этот момент кантовской этики не был обойден учеными-кантоведами [1], тем не менее, на наш взгляд, логика обоснования правомерности кантовской позиции по этому вопросу может быть дополнена более пристальным вниманием к учению Канта о праве, и в этой связи к проводимому им разделению морального долга на долг в «узком смысле» и «долг в широком смысле».

Разделение долга добродетели на долг любви – долг в широком смысле, и долг уважения – долг в узком смысле Кант осуществляет в «Метафизике нравов».

Долг любви к людям, в свою очередь, находит свое выражение в максиме благоволения – в практическом

человеколюбию и разделяется на такие обязанности, как долг благотворения, долг благодарности, и долг участия. Что касается милосердия, то речь о нем идет в связи с рассуждениями о третьей обязанности долга благоволения – участия в судьбе ближнего.

Прежде чем перейти к подробному анализу трех составляющих максимы благоволения, следует обратиться к рассмотрению дога уважения. Кант определяет его как «долг негативный» и проводит мысль о его совпадении с правовым долгом. При этом правовой долг также рассматривается им как проявление добродетели, но только минимальной. Кант определяет его как долг в «узком смысле», тогда как долг любви он предлагает трактовать как долг «в широком смысле».

Значимость этого положения становится понятной в свете последующих в истории философской мысли интерпретаций права как «морального минимума». Хорошо известна позиция Вл. Соловьева в вопросе соотношения права и морали, согласно которой «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [6, с.35]. Казалось бы, само наличие этой формулы доказывает, что вышеприведенная идея Канта о разделении долга на «долг в узком смысле» и «долг в широком смысле» получила свое последующее воплощение и развитие. На наш взгляд, это

не совсем так. Из определения права как «морального минимума», нашедшего поддержку и у современных мыслителей, вытекает трактовка морали как альтернативы формальной законности, превосходящей ее и выступающей по отношению к ней более высоким принципом жизнеустройства. Проще говоря, мораль вбирает в себя право и закрепляет за ним функцию защиты от наиболее серьезных видов проявления зла. Однако в отношении права, как нам представляется, Кант занимает иную позицию. Для него правовой долг аналогичен долгу уважения в том смысле, что *проявляет себя как требование «никого не лишать его своё»*. Именно эта формула доказывает ключевую роль права в превращении совместного взаимодействия людей в «царство целей», в сообщество, где признается достоинство жизни каждого.

Право в этом смысле ограждает от умышленного вторжения в сферу чужой собственности, в сферу владений Другого, и рассматривает требование *Neminem laedere* (лат.) – никому не вреди, как необходимое условие существования человечества: «человечество могло бы существовать, если бы никто ничем не способствовал счастью других, но при этом умышленно ничего бы от него не отнимал...» [4, с. 92].

Таким образом, урегулированное только правом (без морали) существование обеспечивает человечеству весьма сносные условия жизни. «В самом деле каждый может быть свободен, – пишет Кант, – хотя бы для меня его свобода и была совершенно безразлична, или же я в душе охотно бы ее нарушил, если только я не наносу ей ущерба своими *внешними поступками*» [4, с.285].

Единственное, что смущает Канта в этой ситуации, так это то, что благополучие другого человека никого не волнует, и никто, в результате, не утруждает себя заботой о благе ближнего: «никто ничем не способствует счастью других». *В то же время* практический разум убеждает нас, что такое автономное существование несовместимо с «идеей человечества как цели самой по себе» и противоречит требованиям долга. Идея человечества как цели, таким образом, может быть реализована лишь при условии, что каждый будет стремиться к счастью другого, и только тогда можно рассчитывать на полное воплощение в жизнь принципа, согласно которому возможно будет относиться к человечеству и в своем лице, и в лице каждого другого как к цели, а не как средству.

Однако в работе «Религия в пределах только разума» Кант говорит о том, что счастье в мире должно быть приведено в полное согласие с его достоинством: счастье нужно заслужить. Возможно, именно поэтому заслуженно терпящий лишения человек в этической системе Канта не мог рассчитывать на помощь и поддержку, и именно поэтому милосердие Кантом не поощрялось и относилось к нравственно-нейтральным действиям. Если человек не сделал ничего, чтобы избежать несчастья, то распла-

чиваться за это должен он сам, а не кто-то другой. В Отрывках из морального катехизиса из Метафизики нравов Кант, словами учителя, дает напутствие ученику: «Итак, ты видишь, что, если бы у тебя и было все счастье и к тому же самая добрая воля, ты все-таки не должен был бы без рассуждения наградить этим счастьем каждого, кто протягивает к нему руку, а должен был сначала исследовать, насколько каждый *достоин счастья*» [3, с.495]. Поэтому милосердие – это благоволение, «которое относится к недостойному...», и которое не должно проявляться в отношении друг друга у людей, как раз не имеющих права похвастаться тем, что они достойны счастья» [3, с.476].

Если наш анализ корректен, тогда логично было бы предположить, что следует приходить на помощь только тем людям, чье страдание не заслужено, и вызвано внешней, независимой от их воли, причиной. Если же вызывающее страдание воздействие носило внешний характер, то каждый, кто не пострадал, кого злая участь обошла стороной, должен воспринимать подобное благополучие незаслуженным благом. Например, выжившие во время землетрясения, или какого-либо другого стихийного бедствия, прекрасно осознают, что по какой-то невидимой причине расплачиваться за происшедшее вынуждены другие, в то время как их благополучие, благополучие выживших, не пострадало.

Исправить подобную ошибку можно лишь при условии, что каждый из уцелевших постарается разделить страдания потерпевших, и, имея возможность распоряжаться собой и своим имуществом, возместит им материальные и моральные потери. Следовательно, руководствуясь нравственным законом, каждый, избежавший ущерба, должен предпринять действия, направленные на восстановление равновесия в распределении потерь, вызванных случайными обстоятельствами, так как выгодное положение, в котором оказались счастливицы, досталось им отнюдь не благодаря личным заслугам. Можно, в связи с этим, также предположить, что существование долга благотворения, о котором говорит Кант, обязывающего «по мере возможности помогать людям» [3, с.472], проистекает отнюдь не из непонятно откуда берущегося требования делиться имеющимся, а обусловлено осознаваемой всеми необходимостью возвращать необоснованно присвоенное. Безнравственным, в связи с этим, следует признать поведение индивидов, в основе которого лежит нежелание отказаться от незаслуженного преимущества, полученного ценой потерь, лишений, претерпеваемых другими людьми.

Можно проверить наши наблюдения, обратившись к анализу лжи, которая в одном случае квалифицируется как правовое преступление, в другом случае – как моральное (ложь в этическом смысле). «Для того чтобы объявить неприемлемой ложь (в этическом смысле слова) как преднамеренную неправду вообще, – пишет Кант, – она обязательно должна нанести ущерб другим, ведь тогда она была

бы *нарушением прав других* (курсив авт.). Причиной лжи может быть и легкомыслие или даже добродушие; более того, при помощи лжи можно преследовать действительно добрую цель...» [3, с.453]. Высказывание, что этическая ложь «необязательно должна нанести ущерб» предполагает, что эта ложь все-таки может нанести ущерб, но, в отличие от ущерба в правовом смысле, этический ущерб оказывается иного качества, он не нацелен на нарушение прав других, т.е. не связан с преднамеренным посягательством на принадлежащую другим собственность.

Что же касается осуждения человека, совершившего недобродетельный поступок, то его источник следует искать отнюдь не в уличенном намерении посягнуть на чужое, а в нежелании вернуть случайно, часто вопреки воле этого человека, присвоенное. Подобная позиция оказывается несовместимой с «царством целей», с обществом, которое индивид выбирает для себя в качестве желаемого, где каждый проявляет заинтересованность в существовании других, не безразличен к их успехам и способствует их счастью. Нравственно-ориентированная личность, таким образом, своими действиями, направленными на помощь и поддержку другого, как бы восстанавливает нарушенное случайными обстоятельствами равновесие условий, необходимых каждому для достижения заслуженного благополучия.

Эта идея равновесия подтверждается рассуждениями Канта при ответе на им же поставленный вопрос: «До какого предела можно расходовать свои средства на благотворительные цели? Разумеется, – пишет Кант, – не до такого предела, чтобы в конце концов самому нуждаться в благотворении других» [3, с.473], то есть можно предположить, что положение дающего, в результате помощи, не должно стать таким же, каким было оно у нуждающегося в благотворительности. Однако, если учесть, что в реальной жизни окружающие нас люди постоянно переживают незаслуженные страдания, терпят бедствия различной степени тяжести от плохого настроения до потери имущества и т.п., т.е. являются нуждающимися в сравнении с другими, и нужда эта может принимать са-

мые ужасающие формы, то легко можно представить во что превратится в связи с этим жизнь добродетельного человека, постоянно отслеживающего людские бедствия и реагирующего на них, это во-первых, и, во-вторых, надолго ли хватит его возможностей, как духовных так и физических, ведь, оказывая поддержку кому-либо, человек может располагать только собой и своим имуществом?

На самом деле, положение добродетельного человека в этической системе Канта не так плачевно, как это может показаться на первый взгляд. Вспомним о долге любви или максиме благоволения. В соответствии с Кантом долг благоволения, как практическое человеколюбие, проявляется в том, что «я всего лишь не безразличен к данному человеку» [3, с.471]. Из последующих рассуждений Канта становится ясно, что одинаково благоволишь ко всем обязательно, и благоволение к «любимым мною» различается в зависимости от того, кто из них мне ближе и дороже.

Таким образом, максима благоволения, она же долг любви к людям, призывает «сделать своей целью благополучие другого человека (благодеяние)», при этом степень участия в судьбе другого может быть самой минимальной и ограничиться пожеланием «добра всем другим».

Итак, милосердие является проявлением долга любви, из которого вытекает обязанность благотворения как первая составляющая милосердия и как первая обязанность - долг наряду с долгом благодарности и участия, согласно которому индивид должен прийти на помощь каждому, кто этой помощи достоин, т.е. тому, кто оказался в затруднительном положении не по своей вине. Что же касается тех страдальцев, которые недостойны счастья, то в отношении них действует условный или косвенный долг участливости – человечности. Это третий долг наряду с благотворением и благодарностью, и вторая составляющая милосердия – сострадательность, заложенный в человеке самой природой. Ориентируя на деятельное участие в судьбе ближнего, условный долг призван культивировать чувства сострадания в целях поддержания стойкости в следовании моральным принципам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frierson, Patrick (2007) «Providence And Divine Mercy In Kant's Ethical Cosmopolitanism,» Faith and Philosophy: Journal of the Society of Christian Philosophers: Vol. 24: Iss. 2, Article 3.
2. Кант И. Критика практического разума / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
3. Кант И. Метафизика нравов / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
5. Провидение и божественное милосердие в этическом космополитизме Канта», «Вера и философия: журнал Общества христианских философов: Том 24: Выпуск 2, статья 3».
6. Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн., 2001.

© Пионткевич Лариса Юрьевна (PiontkевичLY@mpei.ru), Гусарова Мария Николаевна (GusarovaMN@mpei.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»